

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
13 (76)

ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 5

ПАМЯТИ Н. Я. МАРРА

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ, 1864—1934)

История востоковедения знает много славных имен. В их ряду мы называем и имя Николая Яковлевича Марра. Отмечая 100-летие со дня рождения этого большого ученого, мы, кавказоведы, отдаем дань уважения его памяти, его заслугам перед наукой.

Марр был исследователем-гуманитаром в самом широком смысле этого понятия, был востоковедом, а в области востоковедения выдающимся исследователем Кавказа. Кавказу, с его многоплеменным и многоязычным населением, с его культурным миром, Марр посвятил вдохновение лучших времен своего творчества.

Ценность отдельных трудов Марра в этой массе разнообразных исследований различна, но их роль и место в истории кавказоведения (и не только русского) имеют принципиальную важность и значение, велики и несомненны.

Сам будучи кавказцем и сделав Кавказ центральным предметом своих исследований, Марр всегда стоял на самой высокой ступени объективности и в своих суждениях исходил строго из интересов и требований науки.

С самого начала, еще только приступая к изучению истории и культуры Кавказа, но уже обладая эрудицией, редкой для начинающего ученого, Марр подошел к своей задаче прежде всего как востоковед.

Чаще всего сейчас о Марре говорят как о лингвисте, но он был не только теоретиком языкознания, он был филологом, мастерски владевшим всеми методами филологического анализа, историком литературы, археологом и историком, наконец историком культуры.

Н. Я. Марр воплотил свой талант в таком широком круге гуманитарных знаний и так ярко, что о его наследии, о проблемах и задачах, им поставленных, можно писать и говорить много и с различных точек зрения. Пройти мимо Марра и забыть его имя нельзя.

Назначение науки состояло для Марра в служении живым людям, обществу. Чувство современности, даже при исследовании явлений глубокой древности, никогда не покидало этого ученого.

В 1918 г. Марром была прочитана студентам двухчасовая лекция на тему „Культурное наследие народов Кавказа в их современной общественности“. Постановка вопроса, отраженная в заглавии, говорит о том, какое значение придавал Марр правильному освещению культурного прошлого народов для направления и развития современных общественных взглядов.

Марр понял величие задач, поставленных перед наукой Великой Октябрьской социалистической революцией. Именно после революции развернулась его выдающаяся по широте проблем научно-организационная работа в Петрограде—Ленинграде, в Москве и на Кавказе, главным образом в Грузии.

Марр застал русское кавказоведение в стадии уже значительной разработанности, имеющим за собой столетнюю давность, если помнить, что начатки научного интереса к культуре народов Кавказа мы наблюдаем с 70-х годов XVIII в.

Русское кавказоведение в период, предшествующий деятельности Марра, развивалось плодотворно, и успехи его были несомненны. Это было время познания, время грандиозного сбора материалов, фактов.

Н. Я. Марр вступил на поприще науки в момент, когда кавказоведение, уже длительное время шедшее этим путем, как бы требовало перемены в своем течении.

Марр не чувствовал себя оторванным от прошлого, ясно сознавал всю линию преемственности, но сам к изучению Кавказа подошел так, как не подходил к нему ни один из его предшественников.

Деятельность Марра и созданной им школы кавказоведения явилась новым этапом в развитии этой области знаний—этапом, преемственно связанным с лучшими традициями прошлого, но принципиально совершенно отличным. Роль Марра была ролью новатора, и не будет преувеличением сказать, что в области изучения истории и культуры народов Кавказа Марр создал эпоху.

Естественно, что такую роль мог выполнить только человек выдающихся дарований и ума, исследователь с глубокой и многосторонней эрудицией. Но своеобразная творческая индивидуальность Марра смогла найти себе выражение и в личных трудах, и в создании научной школы, и в организации специальных учреждений еще и потому, что со студенческой скамьи Марр воспринял самые передовые взгляды своего времени на науку, на призвание ученого, на задачи русского востоковедения. Этим Марр был обязан факультету восточных языков Петербургского университета.

Как пишет И. Ю. Крачковский, „И Факультет, и Восточное отделение, и «Записки» (Восточного отделения, Русского археологического общества) помогли Розену объединить вокруг себя все живые силы русского востоковедения современного ему и младшего поколения; постепенно он создал новую школу востоковедения, которая в лице его стар-

ших учеников встретила Октябрьскую революцию и сумела построить работу на новых началах".¹

Из этой школы Марр вынес взгляд на самостоятельное значение русской науки, здесь же он воспринял оценку отдельных отраслей востоковедения не как „провинциальных местных наук“, а как имеющих право „с достоинством высказывать свое суждение по всем вопросам, встающим в мировом масштабе, и принимать участие в их решении“.² Высокая оценка культуры народов Востока, исследования, построенные на источниках, навыки филологической работы над памятниками письменности — все это было усвоено Марром в той же ученой среде русских востоковедов. Именно в этой среде определилось научное мышление Марра, возникла, а затем получила обоснование его оценка места и значения Кавказа в истории и культуре народов Передней Азии. Кавказоведение как самостоятельная филологическая отрасль востоковедения — исходное положение в изучении Кавказа Н. Я. Марром. Он пишет: „... работа в творческих научных кругах, и в значительной мере именно в русских, не только подошла к вскрытию важности культурно-исторического мира Кавказа, к необходимости установления самостоятельного места кавказской культуры, но и стала намечать значение ее материалов для разъяснения общих культурно-исторических вопросов“.³

Начав с изучения памятников письменности, грузинских и армянских, Марр развил свою деятельность во многих направлениях и во всех этих направлениях как исследователь. Подходя к объекту изучения с мерилom критики, он впервые в истории кавказоведения применил ее к исследованию текста и разработал тончайшие приемы филологического анализа. Исследуя письменные источники не только как палеограф и филолог, но одновременно как литературовед и историк, Марр отразил свой опыт в трудах, которые по праву можно назвать классическими. Поиски новых и новых источников в хранилищах и частных собраниях Петербурга, Армении и Грузии, а позднее Афона и Синая, Бачкова в Болгарии, Парижа, Венеции, Вены принесли Марру результаты, неожиданные для него самого. Новые материалы, новооткрытые памятники письменности дали ему возможность прийти к ряду новых заключений и выводов.

Ко времени защиты магистерской диссертации (1899 г.) Марр был уже совершенно сложившимся ученым, вооруженным многообразными методами исследования и способным вовлекать в его круг материалы и наблюдения, извлеченные не только из памятников письменности народов Кавказа, но и других восточных литератур — арабской, сирийской, индийской, турецкой.

¹ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л. 1950, стр. 143.

² Там же, стр. 142.

³ ЛО Архива АН СССР, ф. 800, оп. 1, № 461.

„Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы“ — плод десятилетнего труда, далеко превосходящий первоначальные замыслы автора. Эта работа, классическая по методике, работа не только историко-литературного, но и историко-культурного значения, сама достойна специального исследования.

Марр обращался только непосредственно к источникам, искал и умел их находить. В своих поисках письменных источников он обнаружил множество ранее не известных памятников, установил новые редакции текстов и переводов. Публикации, подготовленные Марром, образцовы как в критике текста, так и в переводе. Из их числа можно назвать такие издания, как „Пленение Иерусалима персами“, „Толкование Песни песней Ипполита“, „Житие Григория Хандзтийского“, но перечень трудов Марра в этом направлении огромен.

Исследования, сопровождавшие новооткрытые тексты, основанные на обнаруженных или сопоставленных фактах, приводили Марра к выводам, которые или коренным образом изменяли уже прочно утвердившиеся представления, или впервые выявляли целые эпохи в социальной и культурной жизни грузин и армян.

Поездки Марра на места, специально к очагам культурной деятельности грузин в монастырских организациях на Афоне, Синае и в Иерусалиме, по итогам всей совокупности сделанных наблюдений и дальнейших выводов, а также и практических результатов в виде каталогов рукописей представляют одну из лучших страниц в научной деятельности Марра. Используя свой палеографический и филологический опыт, Марр открыл там особенно много источников, в частности по истории грузинских колоний на Востоке, и специально занимался вопросом происхождения отдельных литературных памятников. В итоге работы над текстами был выяснен вопрос большого историко-культурного значения: наличие глубоких связей единого культурного мира народов Кавказа с культурой народов христианского и мусульманского Востока.

Все это служило подтверждением уже сложившейся концепции, изложенной Марром в 1901 г. во вступительной речи на защите докторской диссертации, посвященной исследованию памятника средневековой грузинской письменности — „Толкование Песни песней Ипполита“. В этой речи, названной „О единстве задач армяно-грузинской филологии“, Марр обосновывал свой тезис о родстве и единстве культурного прошлого Армении и Грузии, следовательно, о единстве задач его изучения. Понятие „филология“ Марр при этом значительно расширял, подразумевая под ним весь комплекс гуманитарных дисциплин, как расширял и понятие „армяно-грузинской филологии“, имея в виду весь Кавказ в целом со всем его населением.

С этого времени метод армяно-грузинской филологии стал ведущим методом исследований в области кавказоведения как самого Марра, так и его учеников.

Одним из важнейших открытий Марра и исследований методом армяно-грузинской филологии оказалось „Житие Григория Хандзатийского“, написанное средневековым грузинским автором Георгием Мерчули. Памятник, обнаруженный Марром в 1902 г. в Иерусалиме, принес совершенно новые материалы о внутреннем быте Грузии в VIII—начале IX в. Исследование не ограничилось работой над текстом. Через два года Марр отправился в Грузию, к местам, где протекала просветительская деятельность ученого монаха Григория. Сведения рукописи были пополнены сведениями надписей на монастырских стенах, записями говором, этнографическими материалами.

Ко времени этой работы в Кларджети, в 1904 г., Н. Я. Марр был уже опытным археологом, только что закончившим свою третью экспедицию в городище Ани в Армении. Этот же год был началом развернувшихся грандиозных раскопок Ани, когда работа была возглавлена Марром. На протяжении почти 25 лет велось изучение средневековой столицы Армении, вещественно, зримо восстанавливалась картина жизни города, с его дворцами и хижинами, христианскими храмами и мечетью. 16 экспедиций в Ани (с 1893 по 1917 г.) по масштабам и результатам разысканий представляют не только важнейшую из археологических работ Н. Я. Марра, но и одно из замечательных научных предприятий в истории археологии. Здесь в полной мере проявились способности Н. Я. Марра не только как исследователя, но и как организатора: в проведении раскопок, в руководстве коллективом, в охране и описании откопанных древностей.

Рассматривая историю и культуру народов Кавказа как неотъемлемую часть истории и культуры народов Востока, Н. Я. Марр придавал важнейшее значение открытию и исследованию вещественных и эпиграфических памятников и видел в развитии востоковедной археологии „выход кавказоведения на свободный научный путь творчества“.⁴ Вовлечение памятников материальной культуры в круг источников, в сферу анализа и обобщений привело Марра к сопоставлению новых данных со сведениями памятников письменности и к проверке их достоверности. Введение новых критериев в оценку явлений, комплексный метод исследования привели и к новому освещению фактов истории и культурной жизни народов Кавказа, ее проявлений, самобытных и возникших под воздействием иноземных культур.

Многолетние раскопки в Ани по своим итогам для кавказоведения были грандиозны. Открытие новых памятников архитектуры, быта и искусства, жилищ трудящегося, главным образом ремесленного люда, торговых частей и дворцов вскрыло внутреннюю экономическую и социальную жизнь города на протяжении нескольких исторических эпох и дало возможность пересмотреть целый ряд вопросов исторического и историко-культурного значения: о роли и последствиях завоевательных вторжений,

⁴ АО Архива АН СССР, ф. 800, оп. 1, № 408.

о роли официальной церкви, о быте городской бедноты, о взаимодействии христианского и мусульманского искусства и др. Археологические открытия и связанные с ними научные выводы нашли отражение и в области истории литературы, в частности в изучении одной из излюбленных тем Н. Я. Марра — творчества Шоты Руставели, но уже не на основе чисто литературных данных, как ранее, а в свете новой историко-культурной проблемы.

Идея организации охраны памятников древности на месте раскопок в созданном Анийском музее получила дальнейшее развитие в основном Н. Я. Марром в 1917 г. Кавказском историко-археологическом институте в Тифлисе. Широко развернувшаяся деятельность этого института привела к мысли о необходимости создания Академии истории материальной культуры, которая и была основана в 1919 г. в Петрограде по декрету В. И. Ленина.

Руководство большим коллективом Академии и личное участие в ее научной работе Н. Я. Марр совмещал с деятельной работой в Комиссии по изучению племенного состава России, образованной в феврале 1917 г. при Академии наук, и с изучением и определением племенного состава Кавказа при Кавказском историко-археологическом институте. Большое практическое значение имела также работа Марра по составлению алфавитов для бесписьменных народов Кавказа, по организации краеведческой и музейной работы в Дагестане и на Северном Кавказе.

Постоянно говоря о преемственности научных задач, о том, что „темы ждут работников“, Марр неустанно заботился о создании научных кадров. Его профессорская деятельность продолжалась с 1891 по 1933 г. и выражалась не только в прочитанных им курсах, но и в составлении учебных программ и реорганизации системы востоковедного образования в Петроградском университете и в Московском Лазаревском институте восточных языков.

Н. Я. Марр был исследователем, теоретиком и организатором работ в области кавказоведения, основателем научных и учебных учреждений, а также совершенно новых по замыслу серийных и периодических изданий, воспитателем и учителем целой плеяды ученых.

Жизнь и деятельность Н. Я. Марра между собой неразрывны. Факты его не только научной, но и личной биографии всегда связаны с его деятельностью — ученой, научно-организационной, профессорской, общественной. Эта полувековая целеустремленная и поистине кипучая деятельность сознавалась самим Марром как служение большому общественному долгу, как служение народу, и этому он стремился быть верным до конца своих дней.

Через 30 лет после смерти ученого перед востоковедами несомненно встает задача подвести итоги его деятельности, пересмотреть его громадное наследие.

9—12 декабря 1964 г. состоялись заседания Ученого совета Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР и научной сессии Кавказского кабинета ЛО ИНА, посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося советского востоковеда академика Николая Яковлевича Марра. В заседаниях принял участие широкий круг кавказоведов Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Баку и Еревана.

На заседании Ученого совета 9 декабря вступительное слово произнес член-корр. АН СССР А. Н. Кононов. Затем состоялось выступление академика И. И. Мещанинова. Доклад на тему „Н. Я. Марр. Его жизнь и деятельность“ был сделан заведующей Кавказским кабинетом ЛО ИНА кандидатом филологических наук Р. Р. Орбели.

На заседаниях Кавказского кабинета 10—12 декабря было оглашено 25 докладов и сообщений, посвященных вопросам кавказоведения и научной деятельности Н. Я. Марра.

В числе участников сессии были некоторые ученики и сотрудники Н. Я. Марра. Два выступления (член-корр. АН СССР А. Г. Шанидзе и проф. С. Н. Какабадзе) содержали личные воспоминания о нем.

Тематически доклады и сообщения были посвящены вопросам языковедения и истории литературы, источниковедения и истории, этнографии, этнонимии и топонимии, истории христианства, археологии и истории искусств.

Большой интерес в занятиях сессии представила группа докладов, содержавших характеристики отдельных сторон научного творчества Н. Я. Марра: „Н. Я. Марр как археолог и историк искусства“ (член-корр. АН СССР Ш. Я. Амираншвили) и „Н. Я. Марр — исследователь творчества Шоты Руставели“ (академик АН ГрузССР А. Г. Барамидзе), „Исследование Н. Я. Марра «Кавказские племенные названия и местные параллели» в свете данных «Армянской географии VII в.»“ (академик АН АрмССР С. Т. Еремян), „Вопросы истории Грузии в трудах Н. Я. Марра“ (проф. С. Н. Какабадзе) и „Н. Я. Марр как исследователь источников по истории Грузии“ (проф. В. Д. Дондуа). Частным характеристикам были посвящены и следующие выступления: „Н. Я. Марр как исследователь турецких диалектов“ (преподаватель Восточного факультета ЛГУ А. П. Векилов) и „Н. Я. Марр — исследователь текста поэмы Руставели“ (научные сотрудники Института литературы АН ГрузССР М. Гугушвили и Л. Дзоценидзе). Обзор этнографической коллекции Н. Я. Марра был сделан научным сотрудником Музея этнографии народов СССР Н. П. Соболевой.

Значительный интерес присутствующих вызвал доклад проф. В. И. Абаева „Типология армянского и осетинского языков и кавказский субстрат“. Исторические судьбы армянского и осетинского языков схожи во многом, указал докладчик. Лексические, фонетические и морфологические примеры позволяют говорить о их общем кавказско-азиатическом

субстрате. Два эти языка могут быть подвергнуты сравнительно-сопоставительному изучению.

Вопрос о возможности кавказского субстрата в азербайджанском языке (Н. С. Джидалаев) и некоторые итоги изучения бесписьменных языков северного Азербайджана были затронуты в сообщениях молодых научных сотрудников Института языка и литературы АН АзербССР. С отдельными примерами этимологии племенных и географических наименований выступили член-корр. АН АзербССР А. М. Демирчизаде и М. А. Саадиев.

Основанные на изучении письменных источников доклады и сообщения по вопросам истории и этнографии были посвящены периодам древности и средневековья: „О путях вторжения киммерийцев в Малую Азию“ (кандидат исторических наук Л. И. Лавров), „О культе Диониса в Грузии“ (доктор филологических наук И. В. Мегрелидзе), о начальных частях грузинской летописи (научный сотрудник ЛО ИНА С. С. Какабадзе). Группа докладов касалась проблем средневековой истории: периодизации государства сельджуков (академик АН АзербССР А. А. Али-Заде) и взаимоотношений Ширвана и Грузии в XII в. (кандидат исторических наук Р. А. Гусейнов) и истории христианства — борьбе халкедонитов и антихалкедонитов (кандидат филологических наук П. М. Мурадян), истории христианства в Средней Азии (доктор исторических наук И. П. Петрушевский).

С немалым интересом участники сессии прослушали доклады по вопросам археологии и истории искусств: о бронзе Закавказья II—I тысячелетия до н. э. (научный сотрудник Института живописи им. И. Е. Репина В. Б. Блэк) и „Образ богини в армянской миниатюре“ (научный сотрудник Эрмитажа Т. А. Измайлова), а также проблемные доклады, связанные с историей зодчества: „К истории культурных связей мусульманского и христианского Востока“ (доктор искусствоведения Л. С. Бретаницкий) и „Некоторые вопросы реконструкции памятников зодчества Кавказской Албании“ (Л. Г. Ишханов).

Все выступления сопровождались оживленным обсуждением.

В заключение отмечена необходимость дальнейших контактов, организации регулярных „марровских чтений“ по проблемам кавказоведения и разработки научного наследия Н. Я. Марра.

Участники сессии выразили благодарность Кавказскому кабинету за организацию сессии и с удовлетворением отметили, что заседания проходили в рабочей обстановке и с большим подъемом.
